

ОТЗЫВ

официального оппонента

д.и.н. В. В. Шишкина на диссертацию

Марии Андреевны Пономаревой

«Переводчики круга Карла V Мудрого

и политическая культура Франции конца XIV в.»,

представленную на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (история Средних веков)

Настоящая диссертация М. А. Пономаревой охватывает широкий круг исторических проблем, связанных с состоянием общественно-политической мысли во Франции периода позднего Средневековья, главным образом, 1370-х гг. – времени апогея царствования короля Карла V из династии Валуа. На первый взгляд может показаться, что тема эта достаточно изучена исследователями – историками и филологами, о чем говорят соответствующие статьи «Словаря французской словесности в Средние века» (*Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge*, 1992), однако автор диссертации обратила внимание на важный вклад в политический язык и культуру Франции переводчиков с латинского языка, сделав это целью своего исследования.

Речь идет о четырех переводчиках, светских и духовных лицах, работавших при королевском дворе Карла V или тесно связанных с таковым, - Никола Ореме, Эвраре де Тремогоне, Рауле де Преле и Дени Фульшá, и, соответственно, авторах переводов и комментариев к сочинениям Аристотеля, - анонимному «Сновидению (Сну) садовника (в саду)», «Граду Божьему» св. Августина и к «Поликратике» Иоанна Солсберийского. М. А. Пономарева показала, что именно эти перечисленные сочинения, изначально написанные на латыни, оказали значительное воздействие на развитие общественно-политической мысли во Франции последующего времени, и французский

перевод был призван способствовать их широкому распространению среди читающих слоев населения.

Несомненно, вдохновителем этих переводов был король, и название диссертации не случайно говорит о «круге» Карла V – светском и церковном, чьи советники и приближенные ко двору литераторы одновременно были и авторами, и читателями, и распространителями своих сочинений, нацеленными на поддержание королевского авторитета и укрепление верховной власти. М. А. Пономарева очень подробно рассмотрела профессиональную и творческую судьбу каждого из указанных литераторов и проследила явные и возможные истоки их жизненных и литературных взглядов, отметив, что за каждым из них стояла большая интеллектуальная традиция, связанная с античным наследием, духовными поисками каролингского периода, трудами эпохи Возрождения XII века, рецепцией римских норм права в XIII в., растущему интересу к сочинениям на французском языке в позднее Средневековье.

Чрезвычайно важно, что М. А. Пономарева попыталась найти списки всех четырех сочинений в российских депозитариях, и ее усилия увенчались успехом – уникальная рукопись «Сновидений садовника» XV в. оказалась в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, практически не изученная и малоисследованная. Благодаря работе с этим манускриптом диссертанту удалось подтвердить версию о возможном авторстве «Сновидения...» Эвра де Тремогона, который сам же и перевел ее с латинского на французский язык. В целом, источниковый обзор диссертации представляется исчерпывающим: автор диссертации доказала, что свободно ориентируется в многообразии церковных трудов, правовых, философских, исторических, медицинских сочинениях, которые были востребованы в обществе во второй половине XIV в., и умело определяет компилятивные фрагменты и их вариации в ходе работы над текстами основных источников.

Не менее интересен также и историографический обзор, представленный в диссертации М. А. Пономаревой, которая показала, что

хорошо изучила основные тенденции в современной европейской и американской историографии общественно-политической мысли Франции XIV в., которая не ставила напрямую вопрос о значимости деятельности переводчиков в культурной сфере указанного времени. Таким образом, актуальность и новизна работы не вызывают сомнений, обоснованные в соответствующих рубриках диссертации. Тем удивительней довольно скромный обзор отечественной исторической литературы по рассматриваемой проблеме: приведены только две работы Н. А. Хачатурян, столько же С. К. Цатуровой и Ю. П. Малинина. Между тем как глава 3 диссертации «Вопрос о политической и неполитической власти» касается многих исторических проблем, поднимаемых в трудах указанных историков. Было бы небезынтересным привести их мнения по вопросу о сущности королевской власти, полномочиях и пределах власти короля, статусе королевского совета, отношениях короны и сословий, сравнив с выводами и заключениями, к которым пришла сама автор. Также не принята во внимание важная статья С. К. Цатуровой «Культурный капитал в корпоративных и мемориальных практиках французских чиновников» (Вестник СПбГУ. История. 2018 (2)), которая анализирует особенности сообщества собирателей книг и библиотек, в том числе времен Карла V, т. е. непосредственных заказчиков и покупателей рукописей. Представляется, что дополнительный акцент на вклад российских авторов в историографию вопроса был бы важен и полезен для итоговых тезисов М. А. Пономаревой.

С этим недочетом также связан и неизбежный вопрос о методологии диссертационного исследования, в основу которого, как подчеркнуто, положены постулаты Кембриджской школы интеллектуальной истории. Конечно, ее влияние и методологические приемы и подходы трудно отрицать, поскольку они оказали воздействие в том числе на российскую историческую науку, но вместе с тем я хотел бы обратить внимание автора на то, что интеллектуальная история в современной России также выработала свои не менее эффективные методы исследования: теоретические работы Л. П.

Репиной, С. Е. Федорова, Г. И. Зверевой могли бы стать не менее важным методологическим ориентиром для диссертанта.

Определенные биографические повторы в главе 1 диссертации М. А. Пономаревой, наверное, оправданы, поскольку подводят к постановке вопроса об интеллектуальном запасе каждого из авторов и их связи с той или иной научной и литературной традицией. Автор справедливо указывает, что несомненными образцами для всех них были переводы св. Иеронима Стридонского и Бозэция, равно как свои собственные переводы они рассматривали не просто как переложение на вернакулярный язык, но как тексты, способные поддержать и углубить существующую традицию, обогатить французский язык. Лаконичность латыни уже не соответствовала социально-политическим запросам эпохи, связанной с ростом национального самосознания французов во время Столетней войны, и поэтому новые переводы требовали не только адаптационных приемов, но в большей степени приемов объяснения и комментирования. Очень важным представляется анализ автора, связанный с попытками изучаемых литераторов перевести на французский слова и термины, которые ранее не были широко употребимы в политическом лексиконе: олигархия, демократия, аристократия, публичное управление, *princeps*, *res publica*, и др. М. А. Пономарева показывает, что у всех четырех авторов было свое представление о значении каждого из этих терминов, и общий знаменатель политической лексики во Франции этого времени еще не сложился. Однако приведенный перевод М. А. Пономаревой из сочинения Н. Орема (с. 156), где *policie* передается как «государство» мне представляется неверным: в этом случае речь явно идет об общественном устройстве, порядке.

Вывод автора об отсутствии единого понимания и трактовки политических терминов был также связан с разным отношением к вопросу о сущности государства, которое всеми воспринималось как единое живое тело, но с расхождениями о соотношении божественных и естественных законов его развития, представляется убедительным. Однако при этом я не согласен с

мнением автора диссертации о том, что рассматриваемые переводчики исходили из преимущественно медицинской трактовки сущности государственного организма: все же их понимание основывалось на натурфилософских взглядах.

М. А. Пономарева также убедительно доказала, что Карл V был заинтересован, чтобы переводы оседали не только в его Луврской библиотеке, но в равной мере были распространяемы в списках в его придворном кругу и шире. Я соглашусь также с выводом автора, что целевой аудиторией были прежде всего светские круги Франции. Несомненно, король нуждался в прославлении и укреплении королевского авторитета, что было жизненно необходимо династии Валуа после военных катастроф первых этапов войны с Англией. Совсем не случайно, как верно подмечает диссертант, он сравнивается и с Карлом Великим, чье имя он носит, и с Александром Македонским, главным героем-победителем, почитаемым в Средние века.

Все рассматриваемые переводчики так или иначе сталкивались в своей работе с вопросами о сущности власти монарха, и волей-неволей предоставляли материал дискуссии о двух телах короля. М. А. Пономарева отмечает, что практически все авторы, несмотря на разные подходы в своих комментариях и прологах, сходились во мнении, что тирания – это противоестественная форма правления, прямо противоположная правлению справедливому и мудрому, которое невозможно без совета. Совет воспринимался и как институт, и как форма обязательного общения короля и Франции, причем, Французское королевство называлось «местом совета», т. е. одно не могло существовать без другого. Подчеркну вновь, что об этих сюжетах много писала Н. А. Хачатурян и Ю. П. Калинин, и мне кажется, было бы целесообразным соотнести их выводы с итоговым мнением диссертанта, поскольку они очень коррелируют друг с другом.

В целом, автору диссертации удалось представить очень выверенную, убедительную и целостную картину общественно-политических настроений в последние годы правления Карла V, когда королевская власть воспользовалась

мирной передышкой и консолидировала свои властные позиции, используя для этого все возможности, в том числе интеллектуальный потенциал придворных переводчиков. Выводы М. А. Пономаревой позволяют понять последующую готовность французского общества принять усиление королевской власти в последующих столетиях и способствовать процессу централизации королевства. Выверенный и обширный научный аппарат диссертации, пространные переводы сложных для понимания текстов латинского и среднефранцузского языка, в последнем случае, с очевидными элементами языка старофранцузского, говорят о высокой квалификационной подготовке автора диссертационного сочинения.

Конечно, в переводах встречаются неточности, что неизбежно при подготовке такой объемной работы (более 400 стр.), но они исправимы и как правило, не влияют на контекст и выводы. Только в одном случае позволю себе поправить М. А. Пономареву: слово «redoutable» в «Сновидении садовника» (с. 289) в отношении Карла V означает вовсе не «ужасный или ужаснейший». Это часто употребляемая форма обращения к монарху XIII-XV вв., применяемая в том числе эпистолярном жанре, переводится как «могущественный» (эквивалент - *puissant*).

Несмотря на то, что цели диссертации, несомненно, достигнуты, я бы высказал несколько критических суждений и задал вопросы. В диссертации недостаточно представлен общий исторический контекст 1370-х гг., и поэтому читателю не всегда понятно целеполагание и мотивы авторов переводов. Между тем стоило бы отметить, что Франция этого времени находилась в состоянии перемирия с Англией в Столетней войне, пережив военные поражения, эпидемию чумы, Жакерию, Парижское восстание, смерть в плену короля Иоанна II. Надо полагать, Карл V остро нуждался в помощи таких влиятельных литераторов и советников. Их переводы появились отнюдь не случайно и до сих пор составляют старейшую часть королевской библиотеки, ныне – Национальной библиотеки Франции.

Затем, остается открытым вопрос, знали ли рассматриваемые авторы иные языки, кроме латинского, и есть ли примеры их переводов с других языков? Были ли еще переводчики при дворе или может быть в провинции, которые также трудились по заказу короля и отдельных влиятельных лиц?

Наконец, важным представляется не раскрытый в диссертации сюжет, кто же был потенциальным читателем этих переводов, кроме короля, его семьи и ближайшего круга. Упоминание о том, что рукописи попадали в дома и «библиотеки знати» слишком неопределенно. Наверное, чтобы ответить на этот вопрос, стоило бы уточнить провенанс сохранившихся рукописей, в том числе из российских собраний. Так, например, «Большие Французские Хроники» рубежа XIV и XV в. из Российской национальной библиотеки были созданы по заказу парижской купеческой семьи Санген де Медон. Такие разыскания очень бы расширили «круг Карла V» и позволили бы верифицировать сделанные выводы.

Конечно, все высказанное является не более чем приглашением к последующей дискуссии и рекомендациями на будущее. Подчеркну вновь, что ключевые выводы диссертации не вызывают возражений, а сам текст читается как настоящая энциклопедия французской жизни второй половины XIV в. Таким образом, диссертация «Переводчики круга Карла V Мудрого и политическая культура Франции конца XIV в.», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 - Всеобщая история (История Средних веков), соответствует критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и ее автор, Пономарева Мария Андреевна, заслуживает присуждения ей степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 - Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент, доктор исторических наук (07.00.03 – Всеобщая история), ведущий научный сотрудник ФГБУН Санкт-

Петербургский институт истории РАН, и.о. заведующего отделом всеобщей истории

В. В. Шишкин

В. В. Шишкин

24.09.2025

Адрес места работы: 199178, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д.

7.

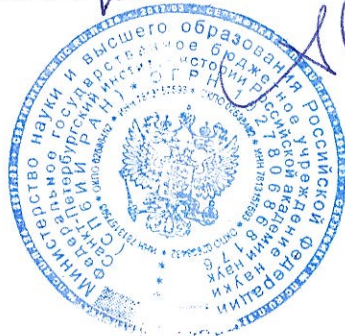
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, отдел всеобщей истории

Сайт: <https://spbiiran.ru/>

Тел: 8 (812) 235-41-98; e-mail: secretary@spbiiran.ru

З. А. А. А.

А. А. А.

(А. А. А.)